

14. Садохин А.П. Этнология. М., 2006.
15. Семенова А.Н. Духовность нации — основа ее исторического бытия // Бытие: Коллективная монография / Отв. ред. А.Ф. Кудряшев. Уфа, 2001
16. Семенова А.Н. Национальная духовность как основа художественной креативности // Метафизика креативности. М., 2006.
17. Тавадов Г.Т. Этнология. М., 2009.
18. Тишков В.А. Забыть о нации. Постнационалистическое понимание национализма // Вопросы философии. 1999. № 1.
19. Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. М., 2001
20. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985.
21. Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969.

Н.В. СНЕТОВА

ИДЕЯ ПОСТУПАТЕЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В КРИТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ Н.Н. СТРАХОВА

В статье рассматриваются взгляды Н.Н. Страхова на проблему социального прогресса, их эволюция.

Показывается отношение русского философа к просветительской и гегелевской концепции поступательного движения истории.

The article considers the views of N.N. Strakhov on the problem of social progress and their evolution. The article demonstrates the relation of Russian philosopher to Enlightenment' and Hegel's conceptions movement of the history.

Ключевые слова: *Н. Страхов, Гегель, социальная философия, русская философия, органицизм, консерватизм, исторический процесс, прогресс, французское Просвещение, историческое познание.*

Keywords: *N. Strakhov, Hegel, social philosophy, Russian philosophy, organicism, conservatism, historical process, progress, French Enlightenment, historical knowledge.*

В последнее десятилетие отмечается всплеск исследовательского интереса к Н.Н. Страхову (1828–1896) — философу и публицисту. В современной публицистике он очень часто предстает только как борец против идей «просвещенства», как защитник православных основ самобытной русской культуры. В данном исследовании мы обращаемся к одной из проблем его философского творчества, которая еще не являлась предметом специального анализа в историко-философской литературе.

Изучение и адекватная оценка представлений Н.Н. Страхова об историческом развитии предполагает, на наш взгляд, во-первых, понимание того, что отечественный мыслитель является сознательным адептом органицистского воззрения, во-вто-

Снетова Нина Васильевна — кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии Пермского государственного университета (Пермь). E-mail: snetova@mail.ru.

рых, что он идентифицирует себя как гегельянца и консерватора. Кроме того, с нашей точки зрения, Страхов по своим социальным взглядам был близок к славянофильству. Все это объясняет исследовательские рамки, в которых шло осмысление проблемы общественного развития в творчестве отечественного философа.

Идея поступательного движения истории необходимо связана с тем, как понимается развитие. Основной концепт органицизма состоит в том, что любое целостное явление рассматривается по аналогии с организмом. Следует отметить, что отсюда в органицизме, с одной стороны, развитие интерпретировалось как саморазвитие, самосовершенствование, ибо именно этот процесс характеризует организм, с другой стороны – опять-таки по аналогии с организмом – процесс развития понимался как эволюция того, что было предзаложено в этом организме.

История отечественного органицизма свидетельствует, что его методологические принципы позволяют обосновать различные варианты развития человечества. У представителей этого широкого направления видение истории зависит, в частности, от того, что берется в качестве организма, какая единица социального процесса. Органицист Надеждин писал о грядущей единой Европе: «Никогда еще в роде человеческом не примечалось столь единодушного стремления – жить одною общею жизнью по одному всемирному указателю – как ныне: ибо никогда и нигде еще не смыкался он в столь тесное, так сказать, семейное единство, как в органическом союзе нынешней Европы» [1, 2-3]. Причем это органическое единство понималось им как результат становления. Н.Я. Данилевский, взяв в качестве целостного организма народ, национальное образование, представил исторический процесс в виде совокупности разнообразных индивидуализированных форм жизни народов, которые существуют самобытно, ибо детерминируются своими внутренними факторами. М.В. Буташевич-Петрашевский, например, через органицизм пришел к идеалу социализма.

Страхов, по его собственному признанию, был сторонником консерватизма, который обосновывался им с позиций «органицистского понимания» действительности. Консерватизм, по его мнению, принадлежит к самой сущности всякой жизни, ибо жизнь стремится к самосохранению. В статье «Наша культура и всемирное единство», в которой защищалась концепция его друга Н.Я. Данилевского, автор настаивал на том, что в соответствии с органицистским подходом народ, нацию, культуру, государство, семью и т.д. – любое целостное образование следует рассматривать как организм, в котором развитие происходит как саморазвертывание исходного ядра, начала, основы. Отсюда следовала идея самобытности развития каждого народа и отрицание единого закономерного исторического процесса.

Согласно Страхову, положительная сторона органицистского понимания действительности состоит именно в том, что оно лишено односторонности в отличие от ходячих представлений о социальном развитии как прямолинейном поступательном процессе. Как и организм, по мнению Страхова, любые социальные образования зарождаются, переживают период расцвета, упадка, гибели. Они могут заражаться, болеть, выздоравливать.

Отметим в творчестве Страхова некоторую эволюцию взглядов на характер исторического развития. Учитывая особенности стиля философа и изменение социально-политической ситуации в стране, вероятно, можно говорить о том, что после 1860-х гг. славянофильствующий мыслитель более точно и свободно выражал свою точку

зрения на идею поступательного движения истории. В 1860–1861 гг. он уже признавал, хотя бы «отчасти», социальный прогресс. Философ выражал мнение, что идея социального прогресса задает стратегию оптимистического взгляда на мир, что для него, судя по статье «О значении гегелевской философии в настоящее время», было важно. Органическое понимание развития берет начало, по Страхову, в философии Гегеля. Отечественный мыслитель очень высоко оценивает и систему, и метод Гегеля. В этой статье 1860 г. отмечается, что именно Гегель создал учение о развитии. Примечательно, что в отношении гегелевской концепции развития автор ограничивается только этим замечанием, не раскрывая ее суть, что, думается, было не случайно.

Страхов, как уже отмечалось, позиционирует себя как гегельянца. Возникает вопрос о том, насколько страховское представление об историческом пути человечества коррелирует с гегелевской концепцией исторического процесса и его поступательного движения. С точки зрения рационалиста Гегеля, в мире наличествует дух, разум; в истории – тоже. По Гегелю, история – единый закономерный поступательный процесс, в основе которого лежит развитие мирового духа. Это развитие есть не что иное, как «прогресс духа в сознании свободы», где низшая ступень исторического развития духа не исчезает полностью, а «снимается». В истории, таким образом, есть преемственность, поступательность и закономерность.

На наш взгляд, в социально-философских воззрениях Страхова возникает коллизия между его реальными представлениями о поступательном движении истории и гегелевской трактовкой исторического прогресса. Коллизия обусловлена не только консервативными убеждениями, неославянофильскими взглядами отечественного философа, но и принятой им логикой органицистской трактовки исторического процесса.

Страховское отношение к идее прогресса проступает в ранних работах уже в том, как он характеризует само *появление* этого понятия. При этом неославянофил не случайно сравнивает французское и немецкое понимание прогресса. Французы, по его мнению, предложили общее понятие прогресса, а Гегель дал тонкий, глубокомысленный анализ этого понятия. Последний «научил разбирать с удивительной тонкостью и остроумием, как новое рождается из старого, как из всякой пакости заводятся черви и из самых гадких червей выходят мухи. Он научил, как можно видеть жизнь и движение там, где по грубой французской теории ничего нельзя было видеть. Он-то и есть родоначальник учения, по которому каждое новое время тем или другим образом представляет шаг вперед относительно времени предыдущего» [4, 302]. Позже, в 1870 г., в большой работе о Герцене Страхов продолжает начатый дискурс относительно идеи поступательного движения истории.

Сопоставляя французское понимание социального прогресса с гегелевской концепцией, отечественный мыслитель отмечает, что Гегель тоже предполагает движение человечества вперед, но так, что все достигнутые человечеством результаты могут оказаться требующими совершенной замены другими. «Знания, правила нравственности, понятия о счастье могут оказаться низшею ступенью, несовершенною формою, на место которой должна стать новая форма. Поэтому могут происходить перевороты, переломы, превращения, в которых поглощается все старое. Таким образом, история получает более остроумное и глубокое истолкование» [5, 69]. Собственно, оценка концепции Гегеля выражена в страховском творчестве в процитированных словах, и только.

Несостоятельность представлений французских просветителей, по его мнению, состоит в том, что история в них понимается как непрерывный, прямолинейный прогресс. Такие концепции он называет теорией накопления. В гегелевском учении Страховым подмечаются диалектические моменты, хотя термины «диалектический» и «диалектика» при рассмотрении данного вопроса им не употребляются, что является симптоматичным. Однако при высочайшей страховской оценке Гегеля как философа в целом обращает на себя внимание некоторая неточность изложения гегелевской теории социального прогресса.

Суть диалектической идеи социального развития, согласно русскому философу, состоит в том, что знания, понятия нравственности и т.д. могут оказаться низшей ступенью, которая должна смениться новой формой. Однако вопрос о том, как согласно диалектике происходит смена, мыслителем не рассматривается. Думается, он, безусловно, знаком с гегелевской идеей «снятия», но никогда не пользовался этим понятием. Вместо него философ употребляет, на наш взгляд, не совсем точный термин «поглощение».

Страхов выделяет у Гегеля, правда в довольно двусмысленной форме, идею противоречивости и поступательности социального прогресса. Изложение этих идей выглядит следующим образом: «Гегель с великой тонкостью показал, что случаи видимого падения и бедствий человечества все-таки составляют шаг вперед, что является новый дух, который, стремясь проявиться, разрушает древние формы, но созревание которого составляет все-таки благо в общем ходе человечества» [5, 69]. При этом Страховым приводится знаменательный пример: гибель Римской империи была необходима, «чтобы дать место христианству». Обратим внимание на страховскую терминологию: в ней, во-первых, отражается его телеологическая установка во взглядах на исторический процесс; во-вторых, здесь видна тенденциозность мыслителя в оценке возникающих в ходе поступательного движения истории коренных исторических изменений. Гибель Римской империи им принимается, так как на ее развалинах расцветает христианство.

Русский философ, чуткий к господствующим в общественном сознании веяниям и настроениям, — к этому обязывало философствование в жанре философской публицистики — фиксирует распространенность упрощенных представлений о социальном прогрессе. Он проявляет себя как *методолог*, проясняя проблемы, связанные с пониманием данного сложного социального феномена и выявляя типичные ошибки в этом понимании.

Страхов резко критикует распространенное представление о прогрессивном ходе истории. В «Заметках летописца», напечатанных в октябрьском номере журнала «Эпоха» за 1864 г., мыслитель на примере критики взглядов знаменитого французского писателя Александра Дюма показывает, что прогресс в глазах людей, безгранично верящих в него и возлагающих на него все свои надежды, превращается в какое-то живое существо, управляющее делами людей. В частности, Дюма представляет дело так, что в истории все делает прогресс, а от деятельности людей мало что зависит. Из наивной веры в прогресс, указывается в «Заметках», вытекает «замечательно-розовый и спокойный взгляд на вещи», так как многие люди свыклись с мыслью, что поступательное движение истории происходит само собой, и пребывают в уверенности, что все, что ни делается, — все к лучшему.

Отдавая должное критическому уму русского философа, отметим, что он точно уловил недостатки догегелевских концепций прогресса, характерные для многих

просветителей. В целом его критика упрощенного и наивного понимания поступательного развития общества была верной. Страхов нащупал действительно трудную теоретическую проблему соотношения свободы и необходимости в истории, необходимого и случайного, общей закономерности и сознательной деятельности людей в ходе социального прогресса.

Несомненно, что упрощенный взгляд на ход исторического процесса, наивная вера в то, что прогресс сам все сделает, не учитывает того, что общественная жизнь, в которую включены люди, обладающие сознанием, свободой воли, является самым сложным явлением. Социальный индивид выступает субъектом общественного процесса. Исторические закономерности осуществляются только через деятельность людей, поэтому социальный прогресс не может проявляться в абсолютно чистой прямолинейной форме, действуя автоматическим.

В каждый конкретный исторический момент существует несколько вариантов развития, а люди своей деятельностью могут либо отдалить нежелательные последствия, либо приблизить появление желательных для них явлений. Кроме того, прогрессивное движение общества является интегральным следствием развития взаимосвязанных областей общественной жизни (экономической, социальной, политической, духовной). Они могут развиваться неравномерно, ибо обладают относительной самостоятельностью. Поэтому поступательность, движение общества от низшего к высшему осуществляется только как господствующая тенденция.

Отмеченная нами в творчестве Стахова коллизия между заявляемым гегельянством и неославянофильством разрешается русским философом таким образом, что он отказывается от прямой критики тех гегелевских идей в учении о социальном прогрессе, которые не могут быть согласованы с его славянофильскими установками. Под видом критики концепции прямолинейного развития Страхов критикует идею социального прогресса вообще. Он прекрасно понимал, что данная идея используется в обосновании революционных социальных проектов.

В статье о Герцене славянофильствующий мыслитель отмечал, что немецкое понятие о прогрессе пользовалось особой популярностью в 1930–1940-е гг., что закончилось в 1848 г. революционными событиями во Франции. Этот год в связи с учением о прогрессе назван им не случайно. Думается, не обошлось здесь без влияния герценовской оценки революционных событий. Они, как известно, серьезно повлияли на социальные воззрения Искандера [3]. Судя по тому, как Страхов оценивает события, можно сделать вывод, что 1848 г. означал для него, как и для многих представителей западноевропейского и русского консерватизма, демонстрацию отсутствия разума в истории, крушение рационалистической установки применительно к историческому процессу, крах той веры в разум, которая была характерна для эпохи Просвещения.

Начиная с 1870 г. Страхов, прежде всего в переписке со своими корреспондентами, более прямо выразит свое негативное отношение к идее закономерного движения общества от низшего к высшему. Эволюцию представлений Страхова о социальном прогрессе можно заметить по тому, что он писал в одном из писем (1870 г.) Ф.М. Достоевскому: «Не верьте, пожалуйста, теории прогресса. Действительный прогресс совершается очень медленно, что, например, ясно на науках. А если взять еще глубже, то можно вовсе усомниться в прогрессе» [9, 267]. В письме Л.Н. Толстому Страхов признавался: «...я уже отрекся от Гегеля, уже отрицаю тот непременно

ный, строго законный прогресс, который он находил в умственном движении человечества, отрицаю и то, что ум руководит историей, что она есть развитие идей» [2, 23].

Если просветительскую концепцию поступательного исторического развития Страхов критиковал за упрощенную прямолинейную трактовку прогресса, то в диалектической трактовке истории он усмотрел релятивизм и скептицизм. В учении о прогрессе им обнаруживается противоречие, которое, с его точки зрения, состоит в том, что, исповедуя прогресс, каждый его сторонник выносит своей деятельности «приговор ничтожества и забвения», ибо все признается временным и через некоторое время мысли прогрессистов уже не будут содержать никакой истины. Страхов, как видим, приписывает диалектическому подходу абсолютизацию изменчивости, релятивизм, как бы не замечая, что диалектика признает единство изменчивости и устойчивости.

Что не устраивает Страхова в концепте поступательного движения истории, становится ясно из его статьи (1894), являвшейся откликом на убийство Сади Карно. Русского философа поражает, что «европейская совесть» не находит в себе оснований, чтобы осудить подобное преступление. Этому «помрачению совести», по его мнению, более всего способствовала Франция, «которая возвела в догмат, что прогресс совершается не иначе, как насилием, огнем и мечом...». Убийца был уверен, что поступил хорошо. Почему? «Потому что безусловно хорошего и безусловно дурного для него не было. Хорошо не то, что хорошо, а то, что ведет к прогрессу; и дурно не то, что дурно, а то, что прогрессу мешает...» [7, 610]. Мы видим, что в данном случае эксплицитно Страхов затрагивает проблему критерия прогресса. Заметим, что данная проблема четко и однозначно отечественным философом не была решена.

Старшие славянофилы, почвенники, в частности Страхов, рассматривая историю, делали акцент на нравственном аспекте исторического процесса, во-первых, в силу недостатка регулирующей роли права в России, во-вторых, потому что видели результаты прогресса на Западе, где основной ценностью оказываются деньги, материальные блага, материальный комфорт. В отношении критерия поступательного движения истории можно сказать, что таковым критерием у Страхова выступает в конечном счете нравственность. Претензия на абсолютное различие добра и зла, как известно, характерна для христианства. Поэтому мыслителя не устраивала диалектическая трактовка хода исторического развития.

В страховских представлениях о социальном прогрессе и его критериях, естественно, сказывается и личная религиозность, и славянофильские установки. С его точки зрения, если учитывать итоги исторического развития России и Запада, то можно говорить о существовании двух критериев социального прогресса — западного и русского. Согласно европейской традиции, критерий развития народа, государства — образованность. В статьях «Роковой вопрос», «Литературная деятельность Герцена» в качестве критерия социального прогресса русского народа выдвигается *самобытность*.

Как видим, Страхов отчетливо осознавал зависимость оценок характера социальных изменений от философской трактовки развития. Обращаясь к фактам, отечественный философ приводит еще один аргумент против веры в поступательное движение истории от низшего к высшему. В последнее время, по его мнению, среди образованных людей все больше тех, кто недоволен ходом всемирной истории. Многие из них не ограничиваются одними рассуждениями, стараются изменить этот ход.

Итак, Страхов не создал целостной и логически обоснованной концепции исторического процесса. Как русского философа его интересовало, прежде всего, насколько реальные исторические факты, события подтверждают истинность или ложность той или иной концепции, тем более что в западной философской мысли уже были предложены и получили распространение определенные теории социального прогресса. Поэтому Страхов пытался осмыслить исторические события; именно они заставляли его менять свои взгляды на социальный прогресс. Мыслитель следовал за происходившими событиями. Вместе с тем он как философ демонстрирует осознание необходимости философского осмысления исторических фактов, для того чтобы не «утонуть» в случайностях многообразных исторических процессов, против чего предупреждал и он сам, и его противник Н.Г. Чернышевский: «Исторический прогресс совершается медленно и тяжело — вот все, что мы хотим сказать; так медленно, что если мы будем ограничиваться слишком короткими периодами, то колебания, производимые в поступательном ходе истории случайностями обстоятельств, могут затемнить в наших глазах действие общего закона» [8, 12].

На наш взгляд, у Страхова не произошло теоретического осмысления проблемы исторического развития отчасти потому, что в этих попытках осмысления превалировал оценочный подход. Отечественного философа интересовала не столько данная теоретическая проблема сама по себе, сколько вопрос о будущем России. Отношение мыслителя к идее социального прогресса на протяжении его жизни менялось: от надежды на него — к сомнению в его существовании — и даже к его отрицанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Надеждин Н.И.* Современное направление просвещения // *Телескоп*. 1831. № 1.
2. *Переписка* Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова. СПб., 1914.
3. *Снетова Н.В.* Личность, судьба, творчество А.И. Герцена в интерпретации Н.Н. Страхова // *Вестник Пермского университета*. 2007. №11.
4. *Страхов Н.Н.* Из истории литературного нигилизма. СПб., 1890.
5. *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом в нашей литературе. Киев, 1897. Кн. 1.
6. *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., 1890. Кн. 2.
7. *Страхов Н.Н.* Злодейство особого рода // *Русское обозрение*. 1894. Октябрь.
8. *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 15-ти т. М., 1948. Т. IV.
9. *Шестидесятые годы*. М.; Л., 1940.